

ИЛЬЯ СОКОЛОВ

СССР

КРАСНОЕ ЗНАМЯ В КРОВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Соколов

Красное знамя в крови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48897974

SelfPub; 2019

Аннотация

Чернобыль и гражданская война мертвецов; сталинские репрессии, в которых виноват сам Дьявол; страшная рыбалка и кошмарный субботник; советский бог Алкоголь; новый взгляд на западные кинофильмы и книги; жертвы во имя Вождя и машинист-маньяк; серийный убийца на курорте и грезы о транскоммунизме будущего; трансляции снов и Красный Сатурн; случайная романтика и сбор макулатуры... Страна, жизнь (и смерть) в которой полна абсурда, безумия и любви... Содержит нецензурную брань.

Содержание

СССР

5

Конец ознакомительного фрагмента.

28

В оформлении обложки использованы иллюстрации с horrorzone.ru и pixabay.com по лицензии СС0.

СССР

Закат на набережной падал и падал.

Кудрявый фотохудожник заприметил парочку у воды: он – истый студент (будущий комсомолец) с белизной волос и морем синевы в глазах, она – красотка (ну явно из вожатых) с черными косами из-под красной косынки; и уж глаза, конечно, боевой подруги лет Революции.

Парочка целуется. Летят как будто даже искорки, так их знобит друг другом... Над парком вдалеке кружат летучие змеи (а на невидимых дорожках тает тьма сердец (ведь комсомол внутри... *ведь комсомол внутри*, а что же еще надо-то, люди(!?))).

Кудряш-фотограф, сделав пару-тройку снимков (крайне фактурных), уходит прочь, чтобы вернуться в свою тесную квартирку, где по средам (время от времени) ему удастся трахаться с пареньком-моделью из фотоателье, а уж по пятницам (что бывает чуть чаще) они с друзьями («кухонными диссидентами») напиваются под Окуджаву и Высоцкого.

А парочка «влюбленных», завидев ушедшего (врага народа, должно быть), разлепляются... И блондин говорит:

– Срисовал козла... А ты молодец такая... Ничего, умешь...

– Да и ты целоваться горазд, я смотрю. – Она отодвигает-

ся, нескромно трогает его за промежность (поверх моднявых джинс). – Продолжим, может? У тебя?

– Да нельзя нам... – он резко отодвигается (будто в горячке). – Товарищ майор четкие установки дал...

– Значит, как обычно всё у вас... – девушка закатывает глаза, затем смотрит на закат (густой и даже жгучий), затем разворачивается, затем уходит прочь. Задание окончено.

Парень злобно смотрит ей вслед. И произносит (не менее злобно):

– Пошла ты, пизда смазливая...

Мы, значит, с дядей Мишей на рыбалку пошли...

А не морозно, вот и хорошо же...

Доехали на автобусе, вышли, потом через лесок такой, к пойме поближе, дядя Миша места-то знает...

Дошли, значит, с мужиками поздоровались, их там всего-то пара человек и было...

Стали место подыскивать, тут дядя Миша ухо-то ко льду прижал, расчистил снег сначала, а как же...

Послушал минуту почти...

И на два шага правее перешел, тут, говорит, рыть будем...

Ну, не рыть, конечно, а рыбалить, это дядя Миша шутит так, поговорочка привычная, чтобы ловилось...

Прорвали почву, так сказать, глубина такая, лед как бы, но и земелька тоже есть...

Сели рыбалить...

Минут через пять – поклевка первая, кисть руки, без пальца безымянного, татуировочка по казанкам, «Прости Отец Судьба Такая»...

Дядя Миша засмеялся даже, так она выпрыгнула, за икру ухватилась, а у меня вот другая наживка, вместо пластиковой икорочки-то я себе колечки на крючок обычно цепляю...

Ну первая, ага, с почином...

Водочку достали, дядя Миша в сумке там еще что-то на потом оставил, а то ведь жена-то у него к этому делу очень строгая, не даст...

Но если за гаражами где чего допить, после ловли-то, уж и домой с уловом можно, а там его и на сковородочку, улов, а как уж больше поймаеть – в холодильник и на будущее, даром их Партия ударникам труда, что ли, дает...

Ну выпили, дальше сидим, ждем, погода: ясный свет, хорошо...

Оп, у меня поклевочка: синюшная, но без морщин и мелкая, ну точно бабья...

Отметили опять, вообще похорошело...

Дядя Миша пару историй с работы рассказал, посмеялись, там у них весело, на заводе, и платят справно, нормально в общем...

И тут бац! Целая нога ломится, пинается, падла такая, а ни сачка, какой там, зима же заканчивается...

Дядя Миша мужиков соседних, что тут же рыбачили, покричал, те подскочили, все за ступню-то взялись – вытянули

падлу...

Большая...

А ведь прошлой весной вообще труп выловили, целый...

И все по закону, главное, как надо...

В нем и дырки от пуль, и НКВД пометка, штамп такой как бы, печать даже, чернила несмываемые, как татуировка...

А уж брыкался он как да руками махал...

– Ты че, поговорить давно не выходил?!

Витька и двое парней привстали со стульев, но Серега Анохин так мощно ёбнул ближнему из них, что тот повалился на других, забирая Витьку с собой под стол, который тут же перевернули кореша Анохина, а тот уже ногами начал добивать упавших, как делал, обычно, его отец по пьяни, наползая на такое особое состояние зверства, что даже уличные кошки, светя глазами в темноте, боялись приближаться, но при этом знали о закопанном складе на случай голода и повсеместной смерти людей от страшной небесной бомбы, который располагался за разрушенной церковью, а в ней еще, говорили, призраки по ночам бродят, но если в ночь полной луны с крестиком нательным поближе подойти, то скажут тебе сокровенное, а уж когда под первый морозец поздней осенью там появиться и спросить вообще о самом важном, услышишь:

– Не надо было тебе, Витя, в тот кабак-то идти...

– Вот, пошли мы с корешами в киношку. А там кассирша одна смену заканчивала, кинотеатр круглосуточный, а мы там еще пивка взяли... Так вот, кассирша – девка классная, симпатичная такая, сиськи большие, явно вставленные, но смотрятся очень круто... Вот, я с ней познакомился, говорю: «Давайте вместе фильм посмотрим...» А там кино-то гавно полное, мы просто так пошли, вечер скоротать, от не хер делать... Ну и вот, сеанс последний, она согласилась, билеты купили, в зал пошли, сели... Я от корешей подальше с ней засел, на задний ряд почти, там еще от стены холодом несло, и гул такой странный слышался, как будто голоса глухие за стенкой, стремно, короче... Вот, фильм начался, кассирша сидит такая, аж жаром от нее, горячая, переговариваемся, смеется, красавица, блядь, короче, вообще... Ну вот, встал у меня, значит, она ко мне целоваться полезла, и в штаны рукой... Кореша чутка бухнули, на меня зыркают, лыбятся... А мы с кассиршей там чуть ли не ебемся уже... И главное – я к ней под юбку-то в трусы полез, а у нее там – хер!.. Буквально больше моего!.. Хуище такой, ага, огромный... Ну я опешил, а он... она... мне и говорит: «В туалет пошли...» Ну, пошли мы вдвоем в туалет... Закрылись... Там, кстати, чистенько так было, просторно... Вот... Ну начал я его... ее... ебать, в общем... Сначала в кабинке, потом вообще у зеркала... Кончили оба... Круто получилось, ниче не скажешь, нормально... Вот, а потом в зал вернулись когда, я у нее и спрашиваю: «Тебя как по паспорту звать-то?» А она усмех-

нулась так, по-блядски, и говорит: «Сидоров. Кассир...»

Из магазина «Тысяча мелочей» мама принесла Максиму набор юного техника.

Набор состоял из винтиков, гаек, различных железячек, реек и колес. Всё выглядело дешево, но надежно.

В объемной коробке располагались детали и запасные части конструктора. Коробка была зеленая. Максиму понравился цвет, поэтому коробку он решил хранить не на шкафе, в пыли антресоли, а прямо под кроватью, чтобы иметь к ней доступ в любое время.

Сначала Максим собрал лицо: глаза из резиновых колес глядели так, будто не хотели ничего видеть (но им всё же пришлось), вертикальная рейка в центре конструкции блесла носовой перегородкой, губы из двух горизонтальных реек скрепились в вечной невозможности улыбнуться или что-то сказать.

Закончив голову, мальчик стал конструировать корпус...

Примерно через час Человек был полностью готов. Максим смотрел на свое творение. И восхищался. И ужасался.

Человек мог всё. Но ни на что не был способен.

Максим убрал его в шкаф.

С неожиданной грустью где-то под сердцем мальчик-конструктор сел к подоконнику, а за окном стал капать мелкий дождь. И понял конструктор главное...

Человек – это набор.

Петров вернулся с работы даже раньше обычного. Включил кинескоп, там сразу стали запугивать Афганом, Америкой, китайским суперпоездом и еще какой-то херней...

Петров, смотря этот шлак, улыбнулся страшной своей улыбкой и на кухню пошел. К холодильнику, к табурету у старого стола, к бутылке водки, к стакану и ржаной корке. Хлебница раззявила пыльную морду, над головой застыла тусклая лампочка, а в темноте окна маячили лица (мертвецы в последнее время навевались чаще обычного)...

Петров опять улыбнулся (с тяжелой горечью в глазах) и выпил первый стакан.

В морозилке осталась пара кистей от предыдущей жертвы (Петров подкараулил эту тетку в парке, оглушил, затащил в ночную тьму кустов, связал, пытал, недолго, но жестоко, затем зарезал и расчленил, почти не испачкавшись кровью). Он жил неподалеку от того парка и знал его хорошо: где смыть кровь с рук, куда спрятать останки, где лучше остаться с жертвой наедине...

А сегодняшнюю малолетку он после службы задушил и сбросил в колодец.

Пионеры сгрудились шумной толпой возле креста на красном постаменте, но притихли, когда вожатый (красивый молодой комсомолец) произнес:

– Здравствуйте, юные товарищи! Сегодня для вас очень

значимый и важный день! – Вожатый оглядел толпу. Дети внимательно смотрели на него, ожидая продолжения речи, смутно осознавая торжественность момента.

– Дело всё в том, что сегодня День Рождения Вождя, дети! Нашего бессмертного владыки, свергнувшего кровавый режим царя и буржуев! День Рождения Великого Ленина!

От этих слов у детей перехватило дыхание, у многих закружилась голова... Из сквера неподалеку взметнулась стайка голубей.

– И ваш класс, юные товарищи, путем торжественной жеребьевки, впервые!.. – комсомолец на пару секунд умолк, подчеркивая радость счастливой улыбкой. – ...дарит дорогому Вождю героиню-мученицу!

Все задрали головы вверх, подчиняясь силе момента. На кресте висело тело девочки в пионерской форме. На красный галстучек капала кровь изо рта.

Впрочем, дети знали, зачем они сюда пришли: отдать последний праздничный салют своей избранной однокласснице. Ей очень повезло. Она стала *даром*.

Распятая девочка была еще жива. И смотрела на всех грустными голубыми глазами.

И он такой: а давайте ко мне...

Ну, и я такая, типа: давай...

Он красавчик, весь из себя прям...

Папа у него важный какой-то...

Приехали, бухнули слегка...

Красавчик целоваться полез, затем трусы с меня сдернул...

Трахаться стали, я только-только кончать начала, телефон зазвонил...

Он меня ебать бросил, к трубке подскочил, встревоженный такой...

Там блядь какая-то, судя по разговору, жена, что ли...

Может, любовница, не поняла я...

В общем, хуйня там у него с ней какая-то...

То ли она ему абортom угрожает, то ли алиментами...

Сразу и то, и другое быть же не может?

Или всё же может?..

Ну, договорил он, водки налил, выпил...

Весь такой всем озабоченный...

И полез дальше меня трахать...

Ну, ебемся, пять минут, десять...

Я уже...

А!...

Ох, блядь...

Ага, вот так...

Ай...

О...

А, сука...

Давай...

Ленин!..

Хуй, блядь, тычь чаще!..

А!..

Ох, круто...

Ленин...

Опять Ленин...

Опять, блядь, Ленин!..

Снова, сука, Ленин...

Бюст Ленина...

В смысле: на подоконнике в спальне десять белых бюстов
Ленина!..

Блядь!

Суй чаще...

О, да...

Ай, хорошо, блядь!..

За сиськи меня схвати!..

О, да, вот так, сука...

Трахай.....

Ай, блядь!.....

Кончила, короче, он тоже, мне на жопу, спать сразу же
отвалился...

А я лежу и думаю...

Нахуя ему столько бюстов?

– Так вот, коллега, если ход времени можно искривить,
то потенциальная энергия пути частиц будет определяться
исходным числом массы всех составляющих, – профессор

остановился у окна и улыбнулся своим мыслям.

– А как же крайние константы? – спросил Телурин с недоумением. В его смешных очках поблескивал свет солнца.

– А они, мой дорогой, – профессор ласково глядел через решетку на улицу, – останутся в позитиве при любых возможных условиях.

– Но это значит, что переход во времени вполне возможен!.. – с почти священным трепетом вымолвил Телурин, сжимая подушку.

– И даже объясним, – торжественно подытожил профессор, возвращаясь на свое место.

– Поздравляю вас... – Телурин даже боялся пожать руку собеседника. – Это Ленинская премия, коллега... Наверняка... Это гениальное открытие!

Профессор благодарно улыбался.

В палату заглянул суровый врач:

– Опять таблетки выхаркали, твари... На уколы оба. Быстро!

Веня, аккомпанируя себе на гитаре, заканчивал песню (пока другие слушали с налетом трепета и обожания):

Только с голой жопой

Только с голой жопой

Мы войдем в ООН

Может, перестройка

Может, перестройка

Будет там потом

Веня завершил мелодию эффектным трио ударов по струнам. Все стали аплодировать ему. Когда овации смолкли, Веня с довольной усталостью на лице потянулся к своей рюмке, которую услужливо наполнил кто-то из публики. Квартирник явно удался...

Опрокинув в себя еще одну, Веня направился в туалет, оставив гитару в зале, где уже ставили «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» на виниловый проигрыватель, готовясь продолжить вечер в непринужденной атмосфере легкого танца и общения.

Вениамин зашел в довольно большую по площади ванную комнату (квартирник проходил в просторной мастерской одного из друзей-художников), закрылся, украдкой горделиво взглянул в зеркало над раковиной из нержавеющей стали, подошел к унитазу, но помочиться в него не успел. Веню схватил за сердце инфаркт, оно тут же перестало биться, Веня упал спиной на кафельный пол, моча потекла по штанине...

Через двадцать минут, не получив ответа на стук и крики, участники вечеринки взломали дверь ванной. Вениамин лежал мертвый. Возможно, его успели бы спасти, но посчитали, что Веня благобно уединился с очередной поклонницей, и не стали тревожить великого поэта-песенника просто

из вежливости.

Смятая синева неба накрыла казаков на привале. Они ждали, когда подойдут другие отряды, спали, коротали день... Первая Конная перебрасывала войска на восток. Обходной маневр. И прямо по врагу!

Ладный казак Керя Лютый потянулся, сплюнул в сторону от седла, к которому прислонил свою спину, после снова прикрыл глаза. Солнце стремительно рушилось в лес, словно сбитый истребитель.

Кони кемарили неподалеку, иные спокойно щипали густую траву, встречая вечеру, будто в мирное время. Закат разливался по небу, как разорванный красный флаг.

Чтоб не сидеть во тьме, развели костерок, как водится, стали байки травить:

– А про «зеленых»-то слышали? – спросил Семен Сивоха, бойко жуя кусок сушеного окуня.

– И шо там у них? – отозвался казак Дубравин, скребя по грязной бороде. Керя Лютый с умеренным любопытством прислушивался к болтовне товарищей.

– Так хто в их войска вступает – зеленеет весь, говорят, как кикимора поганая, вот чаво! Болотная сила, знать, с ими... – доверительно поведал Сивоха, обводя хитрым взглядом сидящих у костра красноармейцев. Те молчаливо переглянулись. И только.

В ту же ночь на отряд Лютого напали. Белогвардейская

разведка, тоже малое число бойцов. Красноармейские казаки были умелыми вояками и не растерялись, не повелись на внезапность. Будучи разбуженными посвистом часового, смахнули моментально сон и обратили сабли, штыки, винтовки к врагу, что надвигался из ближнего подлеска, укутанного теплой как кровь тьмой.

Быстро завязался бой. Суровая луна следила за его исходом.

Керя Лютый, лихо рубая шашкой направо-налево, в первые секунды схватки насмерть посек двоих «белых» и сильно ранил одного. Тот с разодранным брюхом повалился в кусты, стараясь не вывалить кишки на землю.

Вражий унтер-офицер (молодой испуганный парень), выставив отчаянно наган перед собой, будто ненамеренный оберег от большего, чем смерть, бежал прямо на Керю. Первые две пули улетели в темноту, никого не задев. А третья угодила прямиком в старую сухую березу.

Четвертый выстрел офицерик сделать не успел. Керя рубанул ему руку с бесполезным наганом (она упала в траву, пальцы судорожно продолжали сжимать оружие), «беляк» закричал от шока и боли, а после – получил резкий удар шашкой по шее и рухнул под ноги Лютому, захлебнувшись кровью и собственной смертью.

Достреляв-дорезав последних белогвардейцев и прикончив раненых, бойцы Первой Конной с довольными возгласами принялись «делить добычу»: начали осмотр трупов в по-

исках ценных вещей, оружия и боеприпасов.

Теплая ночь точно одобрила мародерство стрекотом сверчков.

На следующий день оставшие части красноармейцев так и не подошли. Отряд казаков двинулся дальше, гадая, что же могло случиться. Но в штаб армии необходимо было попасть согласно предписанию...

Весь день пересекали поля, луга и редколесья. Попалась пара запустелых деревень, но останавливаться казаки не стали ни в первой, ни во второй, сберегая время дороги. К вечеру добрались до холмов. Перешли вброд какую-то речушку, напоили коней. Решили заночевать.

У костра сели столоваться с тяжелыми думками. Вечер быстро исчезал, покрывая холмистую местность чернилами ночи. Желтушная луна скособочилась над чередой оврагов...

Керя Лютый привычно дремал, привалившись к седлу, как суматошный шумок товарищей пробудил его.

– Белополяки, што ль, ебёна мошка?.. – тревожным шепотом пробормотал Семен Сивоха, показывая на кого-то вдалеке.

С холма, на котором расположились казаки, хорошо просматривалась небольшая долина и речка. Звезды сияли, как свечи в покойницкой хате. А бледный свет низкой луны будто специально разгонял темень вокруг. И сейчас это пространство земли пересекали сотни бойцов...

В сторону маленького отряда красноармейцев шел батальон армии «мертвых». Медленно и неотвратно.

Ехали тачанки с пулеметами, рядом держались всадники, чуть позади угрюмо брела пехота. Мертвецы двигались к намеченной (явной только для них) цели, вооруженные трехлинейками и берданками, пулеметами «Льюис» и револьверами, саблями и штыками...

Батальоном командовал сам атаман Мертвый на страшном вороном коне. Глаза атамана мерцали огнем нетленным, будто две домны ярились, а грива коня его вздымалась черным крылом, как погребальное полотно на ветру.

Среди сотен солдат были заметны почти все участники Гражданской: «красные», «белые», «зеленые», русские, хохлы, татары, евреи, казаки, казахи... Смертные шрамы блеснули лунными рубцами. Простреленные лица словно смеялись дырами от пуль. На месте отсеченной в бою головы у некоторых «мертвых» крепились черепа.

Много мертвоармейцев было на марше... Там был и молоденький унтер-офицер, тот самый. На месте отрубленной Лютым кисти руки имелся «костяной протез», в котором бывший белогвардеец крепко сжимал маузер вместо потерянного после смерти нагана.

Увидев всё это, оробевший, должно быть, впервые за всю войну Керя Лютый сразу же понял одно: не избежать ему этих войск. Вот где будет нести он дальнейшую службу.

Мертвецы дошли до реки. И начали переправляться на

другую сторону.

– Это что? «Конармию» Бабеля экранизировали, что ли? – Геннадий Петрович выключил телевизор и в полном недоумении уселся на диван. Простого советского пенсионера очень озадачила увиденная сцена. Он отчетливо помнил, что в великой книге про Первую Конную ничего подобного не было и быть не могло... Или же?..

– Да нет же, нет!.. – Геннадий Петрович насколько мог быстро вскочил с удобного пуфика, прошел в соседнюю комнату и засуетился у книжного шкафа. Домашняя библиотека его была обширна. Все самые лучшие книги классиков и многих современников имелись в ней. Геннадий Петрович с раннего детства любил литературу, а сами книги рачительно хранил в таком безукоризненном порядке, что эти драгоценные тома и томики были бы завидным украшением в коллекции любого bibliофила.

Хозяин библиотеки взволнованно глядел на корешки и вспоминал:

«Преступление и наказание»... Старуху-ведьму находят на питерских болотах и сжигают... После этого на Петербург обрушивается загадочная хворь... В «желтом пожаре» эпидемии гибнет много людей... Гениальный студент-медик изобретает лекарство от этой неизвестной болезни... И спасает всех, его награждают, он становится всемирно известным... В конце он женится на продавщице сладостей.

«Старик и море»... Умиравший от рака алкоголик участвует в местечковом чемпионате по армрестлингу... И умирает, одержав последнюю победу.

«Космическая Одиссея 2001 года»... Операторы сознания с другой планеты превращают людей в големических обезьян, а затем закидывают их в другую галактику... Весь проект затевается ради обнаружения какого-то суперценного Камня.

«Белый клык»... Где-то в снегах на севере находят оборотня... И привозят, кажется, в Чикаго... Проходит первое полнолуние, но все хорошо... В итоге выясняется, что это был вампир, а не оборотень.

«Двенадцать стульев»... Весь роман представляет собой заседание некоего суда, странного и почти сюрреалистического... Главный герой как будто уже осужден, однако пытается спастись от неизбежной смерти, выступая в роли своего адвоката... Сам он – преклонный старик... Но перевоплощается в молодого и энергичного юриста, когда дают слово Защите... В конце концов несчастный старик не выдерживает подобного раздвоения. И вешается в местном сортире.

«Архипелаг ГУЛАГ»... Довольно подробное, если не сказать – дотошное, исследование Соловецких островов... Автор повествует о Соловках, местной природе, Белом море и прочих географических изысках... При этом упоминаются трудовые будни летчика-истребителя, Соловецкие святые, лабиринты и некое Вечное Движение.

«Мастер и Маргарита»... Из зоопарка (или зоомагазина) сбегает кот, умеющий разговаривать... Также он может гипнотизировать людей... Все начинают считать его то Сатаной, то Иисусом Христом... Многие моменты книги посвящены атеизму и явным непотребствам различного толка... А именно: пожар в кабаке для богемных писак; голая беготня по Ялте; опять какой-то пожар, но уже на набережной; кошмары в задумчивом дурдоме; письмо Сталину якобы от самого Бога; ограбление кинокритика; куртуазные перестрелки с НКВД и прочие «чудеса».

«Три товарища»... Компания забулдыг с автозаправки отправляется в Лиссабон, где им встречается человек, который готов на спор пролететь под парижской Триумфальной аркой... Но пари не суждено состояться: гестаповцы дивизии «Обелиск», зверски убив летчика-лихача, начинают преследовать друзей, которые скрываются от них в сумасшедшем доме (где и проводят последующие три года)... По окончании войны они возвращаются на свою автозаправку и вместе пишут книгу про «западные» перемены Европы... Книга становится хитом продаж.

«Зов Ктулху»... Инопланетное говно под видом осьминога пытается захватить Землю, но тонет в глубинах Тихого океана... Мрачный фотограф устраивает выставку, на которой случается скандал: оказывается, что все его работы до ужаса порнографичны плюс по-расистски нетерпимы (и навеяны они тем самым осьминогом из другого мира)... Фото-

графа благополучно упекли в психушку, а осьминог, издав пространный звук, зарегистрированный военными, от нехер делать погрузился в спячку.

«Вий»... Уволенный за пьянство священник неожиданно для себя влюбляется в деревенскую девушку, которая оказывается древней богиней Сглаза... Священник отрекается от своей веры, умирает во время специального обряда в Чертовой Церкви и обретает счастье вместе с возлюбленной.

«Фауст»... Два алхимика, обманывая доверчивых сограждан, разыгрывают из себя демона и святого... В результате они получают немалую сумму на изготовление Философского камня, опять обманывают всех и женятся на сестрах-близняшках из маленького поселения в горах.

«Анна Каренина»... Пресыщенная жизнью графиня сбегает из поместья и становится простой машинисткой паровоза... На вокзале она встречает свою любовь – заядлого посетителя ипподрома, шулера и сердцееда... В итоге беспринципный жиголо проигрывает графиню-машинистку в местный бордель, а сам погибает, угодив в нетрезвом виде под поезд.

«Улисс»... Престарелый гомосек весь день пытается сокрушить соседского юношу... Соблазняемый не дается... И вместо однополых приключений трахает жену соседа-гомосека... Книга заканчивается всеобщими поминками по какому-то ирландскому еврею...

«Пикник на обочине»... Студент-метеоролог приезжает

в опустевший город, недалеко от которого случилась катастрофа (взрыв на атомной станции)... С честью преодолев тяжелые испытания (сражения с мутантами, поиск провизии и безопасных укрытий), студент постепенно утрачивает человечность, превращаясь в изгой-сталкера.

«Над пропастью во ржи...» Малолетний подонок терроризирует студенческий городок, а когда ему надоедает это занятие – переезжает в большой город, где превращается в первую порнозвезду... Из-за сложных отношений с младшей сестрой он пытается утопиться, но его спасает (во всех смыслах) некая девушка (хорошая и скромная)... Главный герой женится на ней, а младшая сестренка, окончив колледж, пишет книгу на основе этих событий...

«Почтамт»... Спившийся интеллигент устраивается на почту... Работник из него никудышный, но остальные еще хуже... И вот этот новый почтальон, практически не просыхая, умудряется за несколько лет дослужиться до должности большого начальника... В конце жизни о нем снимают фильм, главную роль в котором исполняет бывший боксер...

Вспомнив и осознав всё это, Геннадий Петрович с ужасом пришел к выводу, что у него начался старческий маразм вместе со склерозом.

31-го декабря советский бог шел по великой стране, не замечая счастливых и скорбных, замученных и расстрелянных без вины, лауреатов и аутсайдеров, задавленных авто-

мобилиями и покалеченных на заводской службе, висящих на доске почета и повесившихся за ее пределами, гениев и безмозглых, мертвых во гробах и живых во Христе, застрявших в лифте и завязших в болоте, приехавших на вершину и вылезших из топи, глядящих вдаль и скорбно насмотревшихся, не обращая внимания на любимых, ненавидимых, одаренных, неимущих, пьющих и непьющих, берущих и дающих, раздетых и одетых, живых и мертвых, позитивных и негативных (в ВИЧ-контексте и без него), прекрасных и уродливых, целомудренных и блядовитых, старых и молодых, видящих и видевших...

Идущий по стране бог затронул почти каждого.

Советский бог Алкоголь.

Видеосалон постепенно заполнялся народом. Были всякие: от полуспившихся грузчиков или скучающих одиночек-инженеров/бухгалтеров с завода до интеллигентов с дамами на первом свидании. На стенах тесного коридора при входе висели потрепанные плакаты с голливудскими актерами, актрисами и постеры разных фильмов.

Петька торопливо отдал деньги за вход и юркнул в низкое помещение «Видеоподвала» в надежде занять место получше. Сразу за компанией студентов с бутылками пива, разговорами разбавляющих ожидание, когда выключат свет, чтобы начать сеанс, в дальнем конце зала, у батареи темно-зеленого цвета, почти в обнимку расположились Серега и Света.

Петъка подсел к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.